

Рябцева Н. К. Метакогнитивные состояния в языке, речи и познании / Н. К. Рябцева // Научный диалог. — 2017. — № 5. — С. 83—95. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-83-95.

Ryabtseva, N. K. (2017). Metacognitive States in Language, Communication and Cognition. *Nauchnyy dialog*, 5: 83-95. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-83-95. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 81:572

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-83-95

Метакогнитивные состояния в языке, речи и познании

© **Рябцева Надежда Константиновна (2017)**, orcid.org/0000-0002-2042-4615, доктор филологических наук, зав. сектором прикладного языкознания, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук — РАН (Москва, Россия), nadia_riabceva@mail.ru.

Статья посвящена проблеме выделения и описания метакогнитивных состояний, процессов и операций, а также их роли в языке, коммуникации, познании. Показано, что метакогнитивные состояния и процессы отличаются от собственно когнитивных в трех существенных отношениях. Во-первых, они носят рефлексивный характер; во-вторых, разделяются на прототипические и производные; в-третьих, играют особую роль в языке, коммуникации и познании. Главной проблемой при этом выступает тот факт, что метакогнитивные состояния могут быть выражены в языке не только прямо и эксплицитно, но и свернуто, имплицитно, а также синкретично: совместно с другими коммуникативно значимыми смыслами. Систематизируются и характеризуются языковые средства, репрезентирующие метакогнитивные явления, а также отмечается их роль в коммуникации. Указывается, что языковые средства, отражающие метакогнитивные состояния, отличаются многообразием и показывают, в частности, каким образом метакогнитивные состояния проявляются в поведении и речи: *отсутствующий взгляд, внимательно следить, отказываться признавать*. Дается оценка роли метакогнитивных состояний в обучении и научном познании. Отмечается, что вербализация метакогнитивных процессов в научном дискурсе производится при помощи выражений, отражающих рефлексия познающего субъекта над производимыми им ментальными операциями: *сформулировать проблему, высказать предположение, обосновать актуальность исследования, сделать вывод*. В заключение подчеркивается, что одним из наиболее перспективных направлений дальнейшего исследования «метакогнитивной проблематики» выступает разграничение и сопоставление познания и мышления, метапознания и «метамышления», а также языковых средств их вербализации.

Ключевые слова: метакогнитивные состояния; прототипические и производные состояния; вербализация метакогнитивных состояний.

1. Введение: актуальность проблематики

«Метакогнитивная» проблематика стала впервые разрабатываться в когнитивной психологии. В 1976 году были введены понятия метакогнитивных аспектов решения проблем [Flavell, 1979], а затем контроля над своими знаниями, управления познанием и мн. др. [Brown, 1987]. Позднее все более работ появляется по теме «саморегуляция интеллектуальной деятельности» и «психология мониторинга познавательной деятельности»: осознания собственных стратегий мыслительной деятельности, их регулирования, планирования и т. п., особенно в образовании (см., например, [Ridley et al., 1992; Карпов, 2013] и мн. др.).

Так, специальные эксперименты с учениками, которых просили оценить свои знания (по определенному предмету), показали, что учащиеся в большом количестве случаев не обладают навыками метакогнитивной рефлексии (ср. *deficits in metacognitive skill*) и значительно (в три и более раза) завышают оценку своих интеллектуальных способностей, знаний, умений и навыков. Поэтому обучение метакогнитивному мышлению в настоящее время считается важной дидактической задачей [Tobias et al., 2002], причем мониторинг своих знаний является предпосылкой для других метакогнитивных умений [Hacker, 1998].

В целом изучение метакогнитивных состояний и умений связано с комплексом теорий, понятий и явлений: *theory of mind* (understanding the mind and the «*mental world*»), *meta-mind*, *metamind-wandering*, *metacognitive monitoring capacity* и мн. др. В них раскрываются способности человека идентифицировать свои и чужие ментальные состояния, такие, как мнение, предположение, намерение, желание, знание и др., а также осознавать, что свои и чужие мнения, желания намерения и т. п. отличаются друг от друга. Ср. «*Theory of mind is the ability to attribute mental states — beliefs, intents, desires, pretending, knowledge, etc. — to oneself and others and to understand that others have beliefs, desires, intentions, and perspectives that are different from one's own* [Premack et al., 1978, p. 516]. В настоящее время в когнитивной психологии в центре научного внимания стоят проблемы изучения метакогнитивных состояний при нарушении функций сознания, особенно у детей: аутизм, афазия и т. п. (Ср. «*If a person does not have a complete theory of mind it may be a sign of cognitive or developmental impairment*» [Baron-Cohen, 1991, p. 247]), а также проблемы «метакогнитивного взаимодействия», «*collective intelligence*» [Engel et al., 2014] и мн. др. (подробнее см. [Theory] с последующей библиографией).

Что касается собственно когнитивной лингвистики, то в ней особо подчеркивается «значимость и актуальность исследования особенностей

проявления следов метакогнитивной рефлексии в языке в связи с концептуальной значимостью категории “знание” в общей категориальной системе когнитивной науки в целом и в когнитивной лингвистике, в частности» [Топорова, 2015, с. 744].

В современном языкознании, в связи с активным развитием когнитивной лингвистики, «метакогнитивные проблемы» вызывают все более активный интерес в смежных лингвистических областях, особенно в прикладной лингвистике (см., например, [Балуева, 2016; Дроздова, 2015; Дроздова, 2016; Меньшакова, 2016] и мн. др.). При этом следует отметить, что лингвистика имеет перед психологией ряд преимуществ в изучении всех аспектов человеческой деятельности, включая и (мета)когнитивный, поскольку все они тем или иным образом отражаются (совершенно объективно) в языке и речи, то есть независимо от воли и сознательных усилий субъекта (или изучающего его поведение психолога).

Метакогнитивные (МК) исследования востребованы не только в области образования, в частности, в преподавании родного и иностранного языка, а также в области автоматического извлечения знаний и информации из текстов на естественном языке и др., но еще и в целом выступают связующим звеном в изучении соотношения «язык и естественный интеллект» и в его моделировании [Рябцева, 2005].

2. Метакогнитивные состояния и их отличительные свойства

Метакогнитивные состояния, процессы, операции и т. д. отличаются от собственно когнитивных в трех существенных отношениях. Во-первых, они носят рефлексивный характер; во-вторых, разделяются на прототипические и производные, в-третьих, играют особую роль в языке, коммуникации и познании, что объясняется их интенциональным характером. Связь между метакогнитивными состояниями субъекта, языком, речевой деятельностью и познанием проявляется во множестве лингвистических явлений, которые показывают, какие знания о собственном когнитивном мире и когнитивном мире окружающих человек вложил в язык и использует в речи в различных коммуникативных и познавательных целях. Этим вопросам и посвящено дальнейшее изложение.

Так, естественный язык показывает, что важнейшим отличительным свойством метакогнитивных состояний выступает *рефлексия* субъекта относительно своих когнитивных состояний, которая естественным образом объективируется (отражается, выражается и проявляется) в языке и речи. Рефлексия означает *интроспекцию*, *осознание* своего «ментального мира»: его текущих состояний и его составляющих (ср. «*understanding that a belief*

is only one of many and can be false»). При этом метакогнитивные состояния разделяются на исходные, прототипические, непосредственно связанные с основным когнитивным состоянием-противопоставлением: «знание — незнание» (*знаю — не знаю, помню — не помню, обратил внимания — не обратил внимания, понимаю — не понимаю* и др.; ср. название статьи: Tobias et al. «Knowing what you know and what you don't: further research on metacognitive knowledge monitoring»), и «производные». Последние отличаются семантической сложностью и связью с «мнением» [Арутюнова, 1988, с. 93], ср. «Мой голос глух, но, *думаю*, не назойлив» (И. Бродский). Они способны выражать сочетание знания и мнения, их градацию и мн. др., и в широком, современном, когнитивном смысле, соответствуют «интерпретации» [Болдырев, 2016], ср. *наблюдать, проверять vs. предполагать, надеяться; вспоминать — забывать vs. совсем забыть, мечтать — размечтаться, витать в облаках* и др.

Таким образом, метакогнитивные состояния отличаются от собственно когнитивных целым рядом свойств: рефлексией и потому интенциональностью, наличием противопоставления в прототипически исходных метакогнитивных состояниях, а также своей связью с металингвистическими средствами, то есть не только способностью субъекта осознавать свои когнитивные состояния, но и возможностью их контролировать, управлять ими, вербализовать и т. п. (ср. [Топорова, 2015, с. 748]). При этом, отражая осознание текущего когнитивного состояния субъектом (речи, знания и познания), такие метакогнитивные средства позволяют ему экстраполировать свои (мета) знания на когнитивные состояния другого участника коммуникации. Ср.: *Старик, или ты забыл, что в природе — весна?* (А. Блок); *Услышишь гром и вспомнишь обо мне* (А. Ахматова). Интенциональность метакогнитивных состояний эксплицируется также в таких выражениях, как *хочу вспомнить / забыть / напомнить, могу / не могу представить, пытаюсь понять* и мн. др.

В результате принципиально важным и актуальным представляется изучение способов вербализации метакогнитивных состояний в языке, речи и познании, а также их роли в коммуникативном взаимодействии. Главной проблемой при этом выступает тот факт, что метакогнитивные состояния могут быть выражены не только прямо и эксплицитно, но и свернуто, имплицитно, а также синкретично: совместно с другими коммуникативно значимыми смыслами [Рябцева, 1993].

3. Метакогнитивные состояния в языке и речи

Языковые средства, репрезентирующие в языке метакогнитивные процессы, состояния, явления, операции и т. п., консубстанциональны языку

и потому нуждаются в специальных лингвистических процедурах их выявления, в первую очередь при помощи толкования. Более того, метакогнитивные процессы и состояния могут быть выражены в языке не только прямо, номинативно, лексически, но и различными косвенными, свернутыми, имплицитными, формальными и т. д. средствами, ср. *Из этого заявления следует вывод, что P vs. Если P, то Q; Я не (совсем) уверен, что P vs. Скорее всего не P* (ср. [Riabtseva, 1999]). В результате оказывается, что «знания о знании» о чем бы то ни было (о себе, о другом, о коммуникации, о мире, обществе, познании и т. п.) представлены в языке и речи так же многообразно, как и знания о (своих) состояниях сознания [Рябцева, 2016; Riabtseva, 2010].

Знания о знании органично вписаны в язык, активно используются в различных видах и типах коммуникации и могут быть использованы для характеристики метакогнитивных состояний, процессов и способностей человека, и потому в различных профессиональных целях. В качестве последних выступают, в первую очередь, обучение (в том числе родному и иностранному языку), психологическое тестирование на понимание, особенно речи, текста, поставленной задачи, и мн. др. При этом непрототипические, «производные» метакогнитивные состояния связаны не столько со знанием, сколько с мнением, сомнением, интерпретацией и т. п., а также с осознанием степени знания / незнания.

В результате они часто квалифицируются субъектным метакогнитивной деятельности и речи синкретично, то есть в сочетании с разного рода аксиологически, модально, стилистически, функционально и т. п. значимыми семантическими компонентами речи, ср. *твердо верить, постоянно вспоминать, точно знать / помнить / представлять, прекрасно понимать, с трудом допускать* (возможность чего-либо), *сразу понять, искренне надеяться, наивно полагать* и мн. др. Именно поэтому в разговорной речи встречается большое количество экспрессивно маркированных слов, выражений, фразеологизмов и идиоматических оборотов, отражающих метакогнитивные операции и процессы, ср. *вылететь из головы* («забыть»), *смотреть сквозь пальцы* («не замечать») и мн. др.

При этом лингвистический материал показывает, что метакогнитивные процессы и состояния связаны с языком и речью в трех важнейших отношениях:

1. Метакогнитивные процессы, состояния, способности и т. д. явным образом *проявляются* в речи и речевом поведении, ср. «желание знать» — *проявлять любознательность*, «не знать» — *задать вопрос, потерять дар речи* от изумления — «неожиданно узнать (увидеть и т. п.) чего-либо» и т. п.

2. Метакогнитивные процессы, состояния, операции и способности идентифицируются, квалифицируются и характеризуются в языке целым комплексом лексических, грамматических и фразеологических средств: ср. *игнорировать, заинтересоваться, замечаться (размечаться), закрывать глаза на ч.-л. ('намеренно не обращать внимания'), зарубить себе на носу ('как следует запомнить')*.

3. Метакогнитивные процессы, состояния, способности и т. д. поддаются регуляции, контролю и прогнозированию с помощью речи, и именно язык является одним из наиболее эффективных средств их осознания, «предсказания», контроля, регулирования, эволюции, ср. *Не удивляйся: моя специальность — метаморфозы* (И. Бродский).

Языковые средства в первом случае отражают «симптоматику» метакогнитивных операций, состояний и процессов (ср. *открыть рот от удивления*), во втором — производят их номинацию, дескрипцию, дифференциацию и квалификацию, а также выделяют их характерные признаки и проявления. Так, *бояться собственной тени* значит не просто 'бояться того, чего бояться не стоит', но еще и 'безосновательно бояться: неадекватно оценивать текущую ситуацию, некорректно ее интерпретировать и потому вести себя иррационально' (ср. [Рябцева, 2016]). В третьем случае языковые средства разграничивают различные «жанры» воздействия слова и речи на метакогнитивные действия, состояния, процессы и операции, ср. *смею вам напомнить, не лишне узнать / знать, не думайте, что (это случайность), Не вижу смысла отрицать (очевидное)*.

Итак, в языке отражен богатый опыт и знания носителя языка о связи метакогнитивных действий, состояний, процессов, операций с их проявлениями, «симптомами», признаками, характеристиками и причинами. Языковые средства, отражающие метакогнитивные операции, состояния, процессы, отличаются многообразием и прямо или косвенно связывают их с их проявлением в поведении, речи, коммуникации: *отсутствующий взгляд, внимательно следить, в упор не видеть*.

Как показывает язык, метакогнитивные состояния в норме постоянно изменяются под воздействием внешних и внутренних факторов, связанных не только с намеренным получением нового знания, но и с восприятием, интерпретацией, умозаключением и т. п. В результате они представляют собой важный объект не только теоретического изучения, но и практического (само)контроля, особенно в процессе аргументации, рассуждения и в целом — в познании, в его вербализации и интерпретации.

4. Метакогнитивные состояния и познание

Вербализация метакогнитивных состояний, процессов, операций играет первостепенную роль в обучении и познании. В педагогическом и научном дискурсе метакогнитивные процессы, операции и действия составляют элементы рассуждения и направлены в первом случае на обучение учащихся вербализовать и контролировать свои знания, развивать навыки усвоения новой информации, ее использования в решении задач [Чернакова, 2011], а во втором случае — на изложение своих мыслей, результатов исследований и выводов таким образом, чтобы быть воспроизводимыми и потому понятными адресату [Рябцева, 1992; Котюрова, 2016].

Соответственно, вербализация метакогнитивных процессов в познании вообще и в научном дискурсе в особенности производится при помощи метадискурсивных выражений, отражающих рефлексия познающего субъекта над производимыми им ментальными операциями, ср. *задаться вопросом, поставить задачу, высказать предположение, обосновать свое мнение (актуальность, новизну, теоретическую и практическую значимость исследования), привести аргументы, вывести следствия (из теории), сделать вывод, обобщить полученные результаты* и мн. др. (подробнее см. [Рябцева, 1996]).

Особо важную область исследований составляет взаимодействие метакогнитивных процессов и операций с различными имплицитными компонентами коммуникации: пресуппозициями, импликациями, фоновыми знаниями, подтекстом, а также с юмором, иронией, сарказмом и др.

5. Заключение

В статье было показано, что метакогнитивные процессы, состояния и операции отличаются рефлексией, разделяются на прототипические и производные, воплощаются в языке в разнообразных лингвистических средствах и выражениях, используются в речи в различных коммуникативных целях, проявляются в поведении и речи и способствуют контролю образовательной и познавательной деятельности. Они представляют собой важный теоретический и прикладной объект изучения в области моделирования соотношения «язык и естественный интеллект», а также принципиально новый объект исследования в области когнитивной лингвистики.

В заключение следует подчеркнуть, что наиболее значимой и перспективной проблемой в разрабатываемом направлении выступает, как представляется, разграничение и сопоставление познания и мышления, метапознания и «метамышления», а также языковых средств их вербализации. Особую задачу составляет выявление средств и способов им-

плицитного выражения рассуждения, аргументации и умозаключения как наиболее типичных приемов обоснования и доказательства истинности производимых выводов. Это объясняется тем, что метакогнитивные и «метакогнитивные» операции присутствуют в речи часто в свернутом, имплицитном («неявном») или интегральном («совмещенном», «синкретичном») виде. При этом связующим их звеном выступает традиционно выделяемое в философии науки «выводное знание». В современной когнитивной лингвистике между тем подчеркивается, что единое когнитивное пространство, отраженное в языке, носит многоуровневый характер и формируется в процессе перцептивной, понятийной и интерпретативно-оценочной деятельности [Болдырев и др., 2009]. Соотнесение соответствующих понятий и проблем представляет собой предмет дальнейших исследований. Особую проблему в дальнейших исследованиях составляет изучение взаимодействия метакогнитивных процессов, операций, состояний и явлений с имплицитными компонентами речи, позволяющими выводить разного рода коммуникативные и дискурсивные инференции (ср. [Dogramaci, 2017]).

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 341 с.
2. Балуева А. С. Научный текст в новых условиях функционирования / А. С. Балуева // VIII Международная научная конференция «Прикладная лингвистика в науке и образовании. ALPAC REPORT — полвека после разгрома». К юбилею профессора Беляевой Л. Н. 24—26 ноября 2016 г. — Санкт-Петербург : Книжный Дом, 2016. — С. 254—262.
3. Болдырев Н. Н. Языковая интерпретация и структура сознания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII. Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. — Москва–Тамбов : ТГУ, 2016. С. 25—35.
4. Болдырев Н. Н. Языковая репрезентация основных уровней познания / Н. Н. Болдырев, О. В. Магировская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2009. — № 2 (019). — С. 7—16.
5. Дроздова Т. В. Создание научного текста как задача метакогнитивного характера / Т. В. Дроздова // Когнитивные исследования языка. Вып. XXI. Проблемы современной лингвистики: на стыке когниции и коммуникации. — Тамбов : ТГУ, 2015. — С. 58—63.
6. Дроздова Т. В. Что говорит научный текст о метакогнитивных способностях его автора / Т. В. Дроздова // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII. Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. — Москва–Тамбов : ТГУ, 2016. — С. 408—415.

7. *Карпов А. В.* О содержании понятия метакогнитивных способностей личности / А. В. Карпов // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. — 2013. — № 4 (25). — С. 12—19.
8. *Котюрова М. П.* Об эталонном научном тексте / М. П. Котюрова // Сте-реотипность и творчество в тексте. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь : ПГУ, 2016. — Вып. 20. — С. 63—71.
9. *Меньшакова Н. Н.* Трансляция наукообразности в студенческих переводах с русского языка на английский / Н. Н. Меньшакова // Индустрия перевода. — 2016. — № 1. — С. 110—114.
10. *Рябцева Н. К.* Ментальные перформативы в научном дискурсе / Н. К. Рябцева // Вопросы языкознания. — 1992. — № 4. — С. 12—28.
11. *Рябцева Н. К.* Ментальный модус : от лексики к грамматике / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Ментальные действия. — Москва : Наука, 1993. — С. 60—69.
12. *Рябцева Н. К.* Состояния сознания в языке и речи : когнитивный аспект / Н. К. Рябцева // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака. Сборник статей по итогам международной конференции. — Москва : Московский педагогический государственный университет, 2016. — С. 144—149.
13. *Рябцева Н. К.* Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения : межязыковой аспект / Н. К. Рябцева. — Москва, 1996. — 112 с.
14. *Рябцева Н. К.* Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. — Москва : Academia, 2005. — 640 с.
15. *Топорова В. М.* Метакогнитивная рефлексия : аспекты языковой репрезентации / В. М. Топорова // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. — Москва—Тамбов : ТГУ, 2015. — С. 743—751.
16. *Чернакова Т. Е.* Метакогнитивная психология : проблема предмета исследования / Т. Е. Чернакова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2011. — № 3 — С. 153—158. — Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/metakognitivnaya-psihologiya-problema-predmeta-issledovaniya#ixzz4VucUayZE>.
17. *Baron-Cohen S.* Precursors to a theory of mind: Understanding attention in others / S. Baron-Cohen // Natural theories of mind : Evolution, development and simulation of everyday mindreading / Ed. by A. Whiten. — Oxford : Basil Blackwell, 1991. — P. 233—251.
18. *Brown A. L.* Metacognition, executive control, self-regulation and other more mysterious mechanisms / A. L. Brown // Metacognition, Motivation, and Understanding / Ed. by F. E. Weinert, R. H. Kluwe. — Hillsdale, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, 1987. — P. 65—116.
19. *Dogramaci S.* Why is a valid inference a good inference? / S. Dogramaci // Philosophy and Phenomenological Research. — 2017. — 94 (1). — P. 61—96.
20. *Flavell J. H.* Metacognition and cognitive monitoring : A new era of cognitive developmental inquiry / J. H. Flavell // American Psychologist. — 1979. — Vol. 34 (10). — P. 906—911.

21. *Hacker D. J.* Metacognition: Definitions and empirical foundations / D. J. Hacker // *Metacognition in Educational Theory and Practice* / Ed. by D. J. Hacker, J. Dunlosky, A. C. Graesser. — Hillsdale, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, 1998. — P. 1—24.

22. *Premack D. G.* Does the chimpanzee have a theory of mind? / D. G. Premack, G. Woodruff // *Behavioral and Brain Sciences*. — 1978. — № 1 (4). — P. 515—526. — DOI:10.1017/S0140525X00076512.

23. Reading the Mind in the Eyes or Reading between the Lines? Theory of Mind Predicts Collective Intelligence Equally Well Online and Face-To-Face [Electronic resource] / D. Engel, A. W. Woolley, L. X. Jing, C. F. Chabris, T. W. Malone // *PLOS ONE*. — 2014. — № 9 (12). — Access mode : <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0115212>.

24. *Riabtseva N. K.* English for Scientific Purposes / N. K. Riabtseva. — Moscow : Flinta ; Nauka, 1999. — 600 p.

25. *Riabtseva N. K.* States of Consciousness According to Linguistic Data : A Cognitive Perspective / N. K. Riabtseva // *The XI-th International Conference “Cognitive Modeling in Linguistics”*. Croatia, Dubrovnik. Proceedings. Kazan : Kazan State University, 2010. — P. 239—242.

26. Self-regulated Learning : the Interactive Influence of Metacognitive Awareness and Goal-setting / D. Ridley, P. Schuts, R. Glanz, C. Weinstein // *Journal of Experimental Education*. — 1992. — № 60 (4). — P. 293—306.

27. *Theory of mind* [Electronic resource]. — Access mode : https://en.wikipedia.org/wiki/Theory_of_mind.

28. *Tobias S.* Knowing what you know and what you don't: further research on metacognitive knowledge monitoring : College Board Research Report / S. Tobias, H. T. Everson. — New York, 2002. — 25 p.

Metacognitive States in Language, Communication and Cognition

© **Ryabtseva Nadezhda Konstantinovna (2017)**, Doctor of Philology, Head of Sector of applied linguistics, Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), nadia_riabceva@mail.ru.

The article is devoted to the identification and description of meta-cognitive states, processes and operations and their role in language, communication, and cognition. It is shown that metacognitive states, and processes differ from strictly cognitive in three significant respects. First, they are reflexive in nature; second, they are divided into prototypical and derivative; third, they play a special role in language, communication and cognition. The main problem with this is the fact that metacognitive states can be expressed in language not only directly and explicitly, but they can be hidden, implicit, as well as syncretic with other important communicative meanings. Linguistic means of representing

metacognitive phenomena highlighting their role in communication are systemized and characterized. It is indicated that language means, reflecting metacognitive states, are of various nature and show in particular how metacognitive states manifest themselves in behaviour and speech: *the dreamy look, to watch closely, to refuse to recognize*. The role of metacognitive states in learning and scientific knowledge is described. It is noted that verbalization of metacognitive processes in academic discourse is performed by means of expressions, showing the reflection of the knowing subject over produced mental operations: *to define a problem, to suggest a hypothesis, to justify the relevance of a study, to sum up*. In conclusion, it is emphasized that one of the most promising directions for future research of metacognitive problems is to compare and contrast knowledge and thinking, metacognition and “meta-thinking,” as well as the linguistic means of their verbalization.

Key words: metacognitive states; prototypical and derived states; verbalization of metacognitive states.

References

- Arutyunova, N. D. 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Balueva, A. S. 2016. Nauchnyy tekst v novykh usloviyakh funktsionirovaniya. In: *VIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Prikladnaya lingvistika v nauke i obrazovanii. ALPAC REPORT — polveka posle razgroma». K yubileyu professora Belyaevoy L. N. 2016 g.* Sankt-Peterburg: Knizhnyy Dom. 254—262. (In Russ.).
- Baron-Cohen, S. 1991. Precursors to a theory of mind: Understanding attention in others. In: Whiten, A. (ed.). *Natural theories of mind: Evolution, development and simulation of everyday mindreading*. Oxford: Basil Blackwell. 233—251.
- Boldyrev, N. N. 2016. Yazykovaya interpretatsiya i struktura soznaniya. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vol. XXVII. Antropotsentricheskii podkhod v kognitivnoy lingvistike*. Moskva—Tambov: TGU. 25—35. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N., Magirovskaya, O. V. 2009. Yazykovaya reprezentatsiya osnovnykh urovney poznaniya. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2 (19): 7—16. (In Russ.).
- Brown, A. L. 1987. Metacognition, executive control, self-regulation and other more mysterious mechanisms. In: Weinert, F. E., Kluwe, R. H. (eds.) *Metacognition, Motivation, and Understanding* Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. 65—116.
- Chernakova, T. E. 2011. Metakognitivnaya psikhologiya: problema predmeta issledovaniya. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 3: 153—158. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/metakognitivnaya-psihologiya-problema-predmeta-issledovaniya#ixzz4VucUayZE>. (In Russ.).
- Dogramaci, S. 2017. Why is a valid inference a good inference? *Philosophy and Phenomenological Research*, 94 (1): 61—96.
- Drozdova, T. V. 2015. Sozdanie nauchnogo teksta kak zadacha metakognitivnogo kharaktera. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXI. Problemy sovremennoy lingvistiki: na styke kognitsii i kommunikatsii*. Tambov: TGU. 58—63. (In Russ.).

- Drozдова, T. V. 2016. Chto govorit nauchnyy tekst o metakognitivnykh sposobnostyakh ego avtora. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXVII. Antropotsentricheskii pod-khod v kognitivnoy lingvistike*. Moskva—Tambov: TGU. 408—415. (In Russ.).
- Engel, D., Woolley, A. W., Jing, L. X., Chabris, C. F., Malone, T. W. 2014. Reading the Mind in the Eyes or Reading between the Lines? Theory of Mind Predicts Collective Intelligence Equally Well Online and Face-To-Face. *PLOS ONE*, 9 (12). Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0115212>.
- Flavell, J. H. 1979. Metacognition and cognitive monitoring: A new era of cognitive developmental inquiry. *American Psychologist*, 34 (10): 906—911.
- Hacker, D. J. 1998. Metacognition: Definitions and empirical foundations. In: Hacker, D. J., Dunlosky, J., Graesser, A. C. (eds.). *Metacognition in Educational Theory and Practice*. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. 1—24.
- Karpov, A. V. 2013. O sodержanii ponyatiya metakognitivnykh sposobnostey lichnosti. In: *Izvestiya DGPU. Psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 4 (25). 12—19. (In Russ.).
- Kotyurova, M. P. 2016. Ob etalonnom nauchnom tekste. In: *Stereotipnost i tvorchestvo v tekste. Mezhhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Perm: PGU. 20: 63—71. (In Russ.).
- Menshakova, N. N. 2016. Translyatsiya naukoobraznosti v studencheskikh perevodakh s russkogo yazyka na angliyskiy. *Industriya perevoda*, 1: 110—114. (In Russ.).
- Premack, D. G., Woodruff, G. 1978. Does the chimpanzee have a theory of mind? *Behavioral and Brain Sciences*, 1 (4): 515—526.
- Ryabtseva, N. K. 1992. Mentalnye performativy v nauchnom diskurse. *Voprosy yazykoznananiya*, 4: 12—28. (In Russ.).
- Ryabtseva, N. K. 1993. Mentalnyy modus: ot leksiki k grammatike. In: *Logicheskii analiz yazyka. Mentalnye deystviya*. Moskva: Nauka. 60—69. (In Russ.).
- Ryabtseva, N. K. 1996. *Teoreticheskoye i leksikograficheskoye opisaniye nauchnogo izlozheniya: mezhiyazykovoy aspekt*. Moskva. (In Russ.).
- Riabtseva, N. K. 1999. *English for Scientific Purposes*. Moscow: Flinta; Nauka.
- Ryabtseva, N. K. 2005. *Yazyk i estestvennyy intellekt*. Moskva: Academia. (In Russ.).
- Riabtseva, N. K. 2010. States of Consciousness According to Linguistic Data: A Cognitive Perspective. In: *The XI-th International Conference "Cognitive Modeling in Linguistics"*. Croatia, Dubrovnik. *Proceedings*. Kazan: Kazan State University. 239—242.
- Ryabtseva, N. K. 2016. Sostoyaniya soznaniya v yazyke i rechi: kognitivnyy aspekt. In: *Yazyk i deystvitel'nost. Nauchnye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V. G. Gaka. Sbornik statey po itogam mezhdunarodnoy konferentsii*. Moskva: Moskovskiy pedagogicheskii gosudarstvennyy universitet. 144—149. (In Russ.).

- Ridley, D., Schuts, P., Glanz, R., Weinstein, C. 1992. Self-regulated Learning: the Interactive Influence of Metacognitive Awareness and Goal-setting. *Journal of Experimental Education*, 60 (4): 293—306.
- Theory of mind*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Theory_of_mind
- Tobias, S., Everson, H. T. 2002. *Knowing what you know and what you don't: further research on meta-cognitive knowledge monitoring*. College Board Research Report. New York.
- Топорова, В. М. 2015. Metakognitivnaya refleksiya: aspekty yazykovoy reprezentatsii. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vol. XXIII. Lingvisticheskie tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh*. Moskva; Tambov: TGU. 743—751. (In Russ.).